

АМАНДА КВИК

БЕЗРАССУДСТВО

Издательство АСТ
Москва

*Джук Луи, чей артистический талант
и воображение никогда
не перестанут восхищать меня, —
с искренней благодарностью*

Глава 1

Освещенный луной, он был поистине великолепен.

Словно облаченный в серебряное сияние, струившееся на поляну, Габриэль Баннер, граф Уальд, казался ожившей легендой, таинственной и грозной.

Феба Лейтон заставила свою кобылу остановиться у кромки леса и, затаив дыхание, глядела, как Уальд направляет коня в ее сторону. Крепко сжимая поводья, она пыталась унять дрожь в руках. Не время терять самообладание, если уж она вышла на поиски приключений!

Фебе Лейтон нужен был странствующий рыцарь, а их выбор нынче, если хорошенько поразмыслить, не так уж велик. Из всех ее знакомых только Уальд обладал всеми необходимыми качествами, но нужно было убедить его принять ее предложение.

Несколько недель она обдумывала свой план. До сих пор граф, предпочитавший затворничество и уединение, стойко противостоял всем ее нарочито загадочным письмам. В отчаянии она сменила тактику. Чтобы выманить графа из его пещеры, Феба расставила ловушку с поистине замечательной приманкой, на которую он не мог не соблазниться.

И она добилась своего — в эту ночь, на безлюдной дорожке, в сельской глуши Сассекса, наконец состоится их свидание.

Уальд не знал ее имени: свои письма она подписывала не иначе как «Дама-под-вуалью». Ей не очень нравились такие уловки, но она не смогла придумать ничего другого. Если бы Уальд в самом начале догадался, кто пишет эти письма, он, несомненно, сразу отказался бы ей помогать. Она надеялась, что ей удастся сначала убедить его принять участие в ее поисках, а потом уж открыть свое имя. Феба верила: узнав обо всем, он простит ей вынужденную таинственность.

Уальд не помнил ее.

Они не встречались вот уже восемь лет, хотя и были знакомы. Тогда ей — шестнадцатилетней девочке — он казался живой легендой. В ее восторженных глазах ему недоставало только меча и сияющих доспехов.

Хотя сама Феба отчетливо помнила их последнюю встречу, она знала: Габриэль, посещая их дом, не обращал на нее тогда никакого внимания. Он был слишком озабочен планом романтического побега с ее сестрой Мередит.

Видя его приближение, Феба сторала от любопытства и нетерпения. К сожалению, бледный лунный свет и вуаль, прикрывавшая ее лицо, мешали разглядеть, насколько изменился ее рыцарь.

Сначала она обратила внимание на то, что с годами он стал как-то крупнее. Выше, стройнее — и жестче. Его плечи под плащом с капюшоном казались невероятно широкими. Плотные прилегающие бриджи обрисовывали сильные мускулистые линии бедер. Изогнутые поля шляпы отбрасывали непроницаемую, зловещую тень, которая скрывала его лицо.

На какой-то миг Фебе показалось, что ее поджидает не тот, кто ей нужен. Возможно, она договорилась о встрече

с настоящим злодеем, разбойником, грабителем
4 или еще похуже. Она беспокойно заерзала в сед-

ле. Если с ней что-нибудь случится этой ночью, убитые горем родные найдут успокоение в памятнике с подходящей случаю надписью. Лучше всего: «Вот к чему ведет безрассудство!» Судя по словам ее постоянно обеспокоенных родственников, Феба сама все время искала неприятностей на свою голову. И как бы сегодняшняя неприятность не оказалась последней...

— Полагаю, вы и есть таинственная Дама-под-вуалью? — холодно осведомился граф.

Феба испытала неизъяснимое облегчение, мгновенно узнав его. Она не могла ошибиться, хотя восемь лет не слышала этого глубокого, твердого голоса. Она лишь удивилась, ощутив легкую дрожь предвкушения встречи, и тут же нахмурилась, недовольная собой.

— Добрый вечер, милорд, — произнесла она.

Габриэль придержал своего вороного жеребца в нескольких футах от нее.

— Я получил ваше последнее письмо, мадам. Оно вызвало во мне еще более сильное раздражение, чем все предыдущие.

Феба проглотила комок в горле, понимая, что Габриэль отнюдь не в лучшем расположении духа.

— Я только хотела пробудить ваше любопытство, сэръ.

— Я испытываю глубокое отвращение к подобным уловкам.

— Понимаю... — Сердце у нее упало. «Глубокое отвращение к подобным уловкам».

Неожиданно она задалась вопросом, а не окажется ли попытка обратиться за помощью к Уальду серьезной ошибкой. Хорошо еще, что она проявила достаточную осмотрительность и явилась на ночное свидание под вуалью. Безусловно, ей лучше сохранить инкогнито на случай, если их ночное предприятие не принесет желанного результата.

— Как бы там ни было, я благодарна вам за то, что вы приняли мое предложение.

— Любопытство в конце концов одолело меня. — Габриэль слабо улыбнулся в лунном свете, но в изгибе его губ не было и намека на сердечность, а его холодный пристальный взгляд ничего не выражал. — Вы у меня как бельмо на глазу в течение последних двух месяцев, мадам. Надо полагать, вы прекрасно осведомлены об этом факте.

— Прошу меня простить, — взволнованно ответила Феба. — Все дело в том, что я уже почти отчаялась. С вами ведь не так-то легко встретиться, милорд. Вы не отвечали на мои письма, вы не показываетесь в обществе, мне оставался только один способ привлечь ваше внимание.

— Иначе говоря, вы совершенно сознательно решили рассердить меня до такой степени, чтобы я не выдержал и согласился на эту встречу.

Феба тяжело вздохнула:

— Выходит, что так.

— Довольно опасное занятие — дразнить меня, моя таинственная Дама-под-вуалью.

Она уже и сама поняла это, но отступить было поздно. Слишком далеко она зашла в своем безрассудном ночном приключении, чтобы теперь остановиться. Она все-таки леди, которая отправилась на поиски приключений, и должна проявить твердость.

— Неужели, милорд? — Она старалась говорить прохладно и чуть насмешливо. — Дело в том, что вы не оставили мне выбора. Но ничего страшного, я даже уверена, что в конце концов, выслушав меня, вы будете рады, что согласились встретиться со мной, и уверена, простите мне эту маленькую хитрость.

— Если вы пригласили меня только для того, чтобы похвастаться вашей последней победой, то предупреждаю: я не привык проигрывать.

— Моей победой... — Она заморгала (хорошо, что лицо скрыто вуалью), потом поняла, что он имеет в виду приманку, с помощью которой она вытянула его сюда нынешней ночью. — Ах да, книга. Сознайтесь, милорд, вам так же, как и мне, не терпится увидеть манускрипт. Вы же не устояли перед приглашением взглянуть на него, не смотря на то что я уже купила это сокровище.

Габриэль рукой в перчатке потрепал по загривку своего жеребца.

— Похоже, мы оба интересуемся средневековыми рукописями.

— Совершенно верно. Я вижу, вы сердитесь, что мне первой удалось разыскать «Рыцаря и колдуна» и выяснить, что книга продается. Но ведь вы достаточно великодушны и признаете, что я преуспела в своих поисках. В конце концов, рукопись все это время была здесь, в Сассексе, прямо у вас под носом.

Габриэль склонил голову в знак признания ее искусства:

— Да, вам опять повезло. За последние несколько недель вы уже в третий раз опередили меня. Можно поинтересоваться, почему вы просто не взяли рукопись и не унесли домой, как было с двумя предыдущими?

— Я ведь уже объяснила в письмах: мне необходимо было увидаться с вами, сэр... — Поколебавшись немного, Феба неожиданно призналась: — И потом, если честно, я решила, что лучше проявить благоразумие и взять с собой этой ночью кавалера.

— Вот как.

— Я поняла, что мистер Нэш чересчур уж странный человек, даже для коллекционера книг, — продолжала Феба, — а когда он поставил такие необычные условия относительно времени, в которое он готов передать мне рукопись, я по-настоящему забеспокоилась. Не очень-то приятно совершать сделки в полночь.

— Похоже, Нэш больше чем просто забавный чудак, — согласился с ней Габриэль.

— Он уверяет, что ведет ночной образ жизни, словно летучая мышь. Он написал мне, что его дом подчиняется иному распорядку, чем все человечество: он спит, когда другие бодрствуют, и работает, когда все спят. Очень странно, не так ли?

— Думаю, ему нетрудно было бы вести светскую жизнь, — сухо ответил ей Габриэль. — Наше общество бодрствует ночью, а днем отсыпается. Тем не менее вы, вероятно, были правы, опасаясь встречи с таким человеком в полночь и наедине.

Феба улыбнулась:

— Я рада, что вы одобряете мое намерение взять с собой кавалера.

— О да, я одобряю вас, но, признаться, меня удивляет, что вы тревожитесь по этому поводу, — произнес Габриэль, с точностью фехтовальщика нанося прямо в цель скользящий удар клинком. — До сих пор вы не выказывали ни малейшей склонности к осмотрительности и благоразумию.

Феба покраснела, уловив сарказм в его словах.

— Тот, кто вступает на путь поиска приключений, должен быть смелым, милорд.

— Значит, вы считаете себя вступившей на путь приключений?

— Да, милорд, да.

— Понятно. Но если уж об этом зашла речь, считаю своим долгом предупредить вас: сегодня ночью я намерен заняться своими собственными поисками.

Холодок дурного предчувствия охватил Фебу.

— Да, милорд? И что же это за поиски?

— Не только перспектива оценить манускрипт Нэша, прежде чем вы завладеете им, привела меня сюда, моя Дама-под-вуалью.

— В самом деле, милорд? — Возможно, тайный замысел все-таки сработал, подумала Феба. Кажется, она действительно возбудила в нем любопытство, на что очень рассчитывала. — Значит, вам интересно то, что я собираюсь рассказать?

— Не совсем так. Я весьма заинтересован в знакомстве с моим новым конкурентом. Я рассчитывал на личную встречу с соперником. — Габриэль вновь холодно глянул на нее. — Я не имею чести знать, мадам, кто вы такая, вы слишком долго испытывали мое терпение. Я считаю, что пора прекратить эти игры.

И вновь тревога омрачила воскресший дух Фебы. Она, оказывается, по-прежнему далека от успешного завершения своего поиска.

— Думаю, наши интересы еще не раз столкнутся... Как вы верно заметили, мы стремимся приобрести одни и те же книги и рукописи.

Кожаное седло негромко скрипнуло: Габриэль заставил своего жеребца сделать навстречу к ней еще несколько шагов.

— Надо полагать, те маленькие победы, которые вам удалось одержать в последнее время, доставили вам радость, моя Дама-под-вуалью?

— Еще бы! — Она улыбнулась, пытаясь преодолеть неузнающуюся нервную дрожь. — Я вполне довольна своими недавними приобретениями. Они стали превосходным украшением моей библиотеки.

— Понимаю!.. — Последовала продолжительная пауза. — А вы не думаете, что есть определенная доля безрассудства в решении пригласить меня этой ночью в свидетели вашего очередного успеха?

«Это куда более безрассудно, чем он может себе вообразить», — печально подумала Феба.

— Если подумать, то вы, милорд, один из нем-

ногих людей во всей Англии, кто может оценить по достоинству мое приобретение.

— Я непременно оценю его по достоинству. Можете не сомневаться, я очень высоко оценю его. Но именно в этом кроется опасность для вас.

Пальцы Фебы, по-прежнему безотчетно сжимавшие поводья, слегка задрожали.

— Опасность?

— А что, если я силой отниму у вас рукопись, после того как вы заберете ее у мистера Нэша? — спросил Габриэль с убийственной нежностью.

Феба оцепенела от неожиданной угрозы. Она никак не предполагала такого поворота событий. В конце концов, Уальд все-таки граф.

— Не говорите глупостей! Вы же джентльмен. Вы не позволите себе ничего подобного.

— Таинственные дамы под вуалью, которые идут на все уловки, чтобы лишить достойных джентльменов вроде меня давно желанной добычи, должны быть готовы к тому, что у достойных джентльменов наконец лопнет терпение. — Теперь в голосе Габриэля явственно звучала сталь. — Если манускрипт Нэша действительно относится к легенде четырнадцатого века о рыцарях Круглого стола, как он утверждает, мне он необходим, мадам. Назовите вашу цену.

Воздух между ними, казалось, потрескивал от напряжения. Отвага Фебы быстро иссякла. Единственное, на что она оставалась способной, — устоять против соблазна немедленно развернуть кобылку и помчаться галопом назад, под защиту усадьбы Амесбэри, где она остановилась. Она задавалась вопросом: неужели и средневековые рыцари были так же чертовски несговорчивы?

— Я не уверена, что вы согласитесь заплатить мою
10 цену, сэра, — прошептала Феба.

— Назовите ее — и тогда посмотрим.

Феба облизнула пересохшие губы.

— Дело в том, что я не собираюсь продавать рукопись.

— Вы в этом вполне уверены? — Габриэль заставил жеребца сделать еще один шаг. Огромное животное вскинуло голову и тяжело зафыркало, пытаясь потеснить со своего пути кобылку Фебы.

— Вполне уверена, — поспешила ответить Феба. Она сделала паузу, чтобы усилить эффект. — Но я могла бы подарить ее вам, милорд.

— Подарить ее мне! — Габриэль, несомненно, был поражен ее заявлением. — О чем, черт побери, вы говорите?

— Я объясню позже, милорд. — Феба потрепала по загривку свою лошадь, пытаясь ее успокоить. — Простите, но скоро пробьет полночь. Через несколько минут я должна быть в доме Нэша. Вы едете со мной или нет?

— Я готов к безукоризненному исполнению своих обязанностей вашего кавалера предстоящей ночью, — мрачно произнес Габриэль. — Слишком поздно пытаться избавиться от меня.

— Хорошо, в таком случае приступим к делу. — Феба направила лошадь на залитую лунным светом дорожку. — Дом мистера Нэша недалеко отсюда, судя по указаниям, которые я получила от него в последнем письме.

— Что ж, не стоит заставлять его ждать. — Габриэль развернул своего коня вслед за ней.

Холеный жеребец легко попал в шаг и пошел бок о бок с лошадкой Фебы. «Хотела бы я знать, неужели моя кобылка нервничает так же, как я», — подумала Феба. Габриэль и его конь выглядели огромными и грозными в лунном свете.

— А теперь, раз уж мы встретились с вами, таинственная Дама-под-вуалью, позвольте задать вам несколько вопросов, — сказал Габриэль.

Феба искоса глянула на него.

— Странно это слышать, после того как вы в течение двух месяцев пренебрегали моими письмами. У меня сложилось впечатление, что я не пробудила в вас ни малейшего интереса.

— Вы чертовски хорошо осведомлены о том, что меня сегодня интересует. Признайтесь, вы и впредь намереваетесь помогать каждой малоизвестной средневековой книге, которую я был бы счастлив приобрести?

— Возможно. Как вы уже заметили, мы явно проявляем пристрастие к одним и тем же рукописям.

— Такое пристрастие грозит стать слишком дорогим для нас обоих. Как только пройдет слух, что за каждый старинный том, который попадет в свет, готовы соперничать два претендента, цены мгновенно подскочат.

— Да уж, представляю, — Феба намеренно говорила легко и небрежно, — но я могу себе это позволить. Я получаю более чем щедрое содержание.

Габриэль бросил на нее испытующий взгляд.

— И ваш муж не возражает против столь разорительного увлечения?

— С вашего позволения, сэръ, у меня нет мужа, и я вовсе не стремлюсь им обзавестись. Насколько мне известно, мужья обычно стремятся ограничить склонности своих жен к авантюрам.

— Несомненно, вряд ли кто-либо из мужей одобрил бы такое сумасбродство, каким вы занимаетесь сегодня ночью, — пробормотал Габриэль. — Ни один мужчина в здравом рассудке не позволил бы жене слоняться за городом в одиночку в такой час!

«Нил позволил бы мне поступить так», — печально подумала Феба. Но ее светловолосый Ланселот погиб,

и она отправилась на поиски его убийцы. Феба

12 отогнала нахлынувшие воспоминания и то чув-

ство вины, которое она всегда испытывала, думая о Ниле Бакстере.

Из-за нее он отправился в Южные моря искать счастья, из-за нее он был там убит пиратом.

— Я ведь не одна, сэр, — напомнила она Габриэлю, стараясь сохранить непринужденный тон. — Со мной отважный странствующий рыцарь. Я чувствую себя в полной безопасности.

— Если не ошибаюсь, вы говорите обо мне.

— Ну конечно.

— Тогда вы должны помнить, что странствующих рыцарей нужно как следует вознаграждать за их услуги? — спросил ее Габриэль. — В Средние века леди обязана была оценить подвиги рыцаря, наградив его своей благосклонностью. Скажите, мадам, готовы ли вы уплатить мне за сегодняшний подвиг?

Феба широко раскрыла глаза. Его слова неожиданно потрясли ее. Не хочет же он сказать, что она должна отплатить ему благосклонностью... в интимном смысле? Даже если он стал отшельником и не считает делом чести следовать правилам, принятым в свете, все равно она не могла поверить себе, что натура Габриэля, которого она знала, настолько изменилась.

Благородный рыцарь, решившийся когда-то спасти ее сестру от нежеланного брака, был великодушен и отважен. По ее мнению, мнению шестнадцатилетней девочки, он мог занять достойное место за Круглым столом. Нет-нет, он не посмеет так вопиюще не по-рыцарски поступить с женщиной.

Или... Она, должно быть, просто не поняла его. Он хотел ее подразнить.

— Напомните мне, милорд, и вы получите за нынешний подвиг кусочек ленточки или другую безделушку, — откликнулась Феба. Она сама не знала, **13**

прозвучали ли ее слова достаточно уверенно. Ей скоро будет двадцать пять, но это вовсе не свидетельствовало о том, что она накопила некоторый опыт по части общения с невоспитанными джентльменами. Младшая дочь графа Кларингтона всегда находилась под надежной защитой. Иногда она даже жалела об этом.

— Не думаю, что кусочка ленточки будет достаточно, — задумчиво сказал Габриэль.

Терпение Фебы лопнуло.

— Прекрасно, но вы все равно ничего не получите, так что лучше не злите меня, милорд. — Тут, к своему облегчению, она увидела освещенное окно. — Это должен быть дом мистера Нэша.

Она вгляделась в маленький обветшалый домик, освещенный лунным сиянием. Даже ночью было видно, как неухоженно, запущенно это жилище. Сломанная калитка преграждала путь в заросший сорняками сад. В единственном освещенном окне не хватало стекла, крышу давно пора было перебрать.

— Похоже, продажа рукописей занятие невыгодное. — Габриэль, дернув поводья, резко остановил коня и легко соскочил наземь.

— Он редко продает свои книги. Из его писем я поняла, что за этими стенами скрывается огромная библиотека, но он весьма неохотно расстается со своими книгами. — Феба тоже остановила свою кобылку. — Он согласился продать «Рыцаря и колдуна» только потому, что ему срочно понадобились деньги на приобретение тома, который он счел более важным, чем фривольный средневековый роман.

— Но что может быть важнее фривольного романа? — Габриэль слегка усмехнулся и вдруг крепко обхватил Фебу за талию.

У нее перехватило дыхание, когда Габриэль без
14 видимых усилий поднял ее из седла. Он не сразу

опустил ее на землю, а держал перед собой на весу так, что ее ножки в ботиночках беспомощно болтались в дюйме от земли. Он впервые притронулся к ней, впервые оказался так близко. Больше всего Феба испугалась самой себя, своей реакции. Она чувствовала, что задыхается.

Она неожиданно поняла, что ее волновал этот запах... Описать его было невозможно, в нем смешались запахи кожаного седла, конской шерсти и мускусный запах мужчины. Она поняла, что никогда не забудет этот миг.

Почувствовав силу его рук, она испугалась. Как мала она перед ним, как легка. Первое впечатление не обмануло ее — он действительно стал гораздо крупнее, чем в юности.

Восемь лет назад Феба восхищалась человеком, претендовавшим на роль спасителя ее сестры, со всем пылом невинной романтической девочки.

Этой ночью она поразилась открытию, что сама могла бы без ума влюбиться в него — влюбиться, как взрослая женщина во взрослого мужчину. Ничего подобного она в жизни своей не испытывала ни к одному мужчине, даже к Нилу. Никогда не переживала этого внезапного, потрясающего откровения.

«Видимо, у меня просто разыгралось воображение», — попыталась она успокоить себя. Лунный свет, волнение... Сколько раз родные советовали ей обуздывать свою фантазию.

Габриэль осторожно поставил ее на ноги. Смущенная ошеломляющим впечатлением, произведенным его объятиями, Феба забыла опереться на правую ногу, прежде чем перенести вес тела на левую. Она пошатнулась и схватила Габриэля за руку, чтобы удержать равновесие.

— Я напугал вас, прекрасная леди? — приподнял брови Габриэль.